

Чу Фэй не стал заикливаться на этом: в конце концов, что там с ними происходит, его не касалось. Ему просто показалось, что эти люди довольно интересные, но лезть в чужие дела он не собирался. На торговых путях круглый год полно любопытных личностей и захватывающих историй, разве всех упомнишь?

Поэтому он с лёгким сердцем завершил сделку с купцом по фамилии Су, рассчитался, забрал свой табак и велел нескольким людям отнести его подальше.

— Ух! Вот это кайф!

Чу Фэй глубоко затянулся, выпустил струйку дыма и, слегка потряхивая слегка затуманенной головой, довольно хмыкнул. Он был невероятно доволен вкусом самокрутки собственного изготовления.

— Ци-лан, что это у тебя за штука? Дай и мне попробовать, — Хэ Бэйшань, заметив это, подсел к нему, толкнул плечом и уставился на него широко раскрытыми глазами.

— Хэй! Это называется сигарета! Кому интересно — пробуйте, но учтите, для лёгких это вредно, так что если не понравится, больше не курите.

Увидев, что остальные тоже с любопытством поглядывают на него и на тонкие самокрутки, которые он долго мастерил, нарезаая табак и заворачивая его в лист, Чу Фэй раздал каждому из двадцати одного человека по одной штучке.

— Кхе-кхе!

— Кхе-кхе-кхе!

Вскоре послышался дружный кашель. Чу Фэй не удержался и не по-доброму рассмеялся, а затем с наслаждением затянулся своей.

— Фух! А ведь неплохо.

Многие, хоть и пожалели выбрасывать столь ценную вещь, пробовать больше не захотели. Лишь Монкрейд, Ганкань и Хэ Бэйшань распробовали вкус со второй затяжки.

В конце концов, у популярности этого дела, что в прошлой жизни, что в нынешней, были свои причины. Пусть вред для организма и был, но он оставался скрытым, и многие попросту не чувствовали подвоха. Зато курение часто приносило успокоение и комфорт, особенно после тяжёлой работы, когда усталость наваливалась и физически, и морально.

— Эти забирайте себе, но впредь курите поменьше. Хоть мы и занимаемся боевыми искусствами и наши тела крепче, чем у обычных людей, всё равно нужно знать меру. Эта

штука действительно бьёт по лёгким, — наставлял Чу Фэй, отдавая троим товарищам готовые сигары, похожие на те, что он сам когда-то курил.

В этом мире изучение боевых искусств состояло из двух частей: оттачивания техники боя и закалки тела. Никакой внутренней энергии здесь не было — лишь специальные отвары и пилюли в сочетании с изнурительными тренировками, позволяющими телу впитывать силу лекарств. А после тренировок следовали лечебные ванны, чтобы залечить скрытые травмы.

Хотя внутренние органы при таком подходе тоже становились крепче, табачный дым наносил лёгким постоянный урон, который нельзя было полностью компенсировать. Впрочем, большинство людей продолжали курить до глубокой старости, не чувствуя особых проблем, особенно с сигарами, где дыма вдыхалось меньше.

— Хорошая вещь! Куда лучше, чем та, первая! — Хэ Бэйшань, подражая Чу Фэю, прикурил сигару и был очарован её густым, насыщенным ароматом. Ганкань промолчал, но по его выражению лица было ясно, что он разделяет восторг товарища.

— А мне всё же больше нравится ощущение от глубокой затяжки, — Чу Фэй не испытывал недостатка в единомышленниках, и вкус Монкрейда явно совпадал с его собственным. Однако делиться самокрутками он не спешил — слишком уж хлопотное это дело.

Остальные, не разделявшие их страсти, занялись своими делами. Чу Фэй намеревался ждать здесь работорговца, поэтому нужно было разбивать лагерь. Мужчины и женщины разошлись по своим делам.

Монкрейд вскоре отправился к своей драгоценной дочери. Глядя на то, как здоровяк Ганкань и Хэ Бэйшань уходят вдаль, обнявшись и дымя сигарами, Чу Фэй лишь покачал головой. Он представил, как они будут сражаться плечом к плечу, выпуская облака дыма, и невольно усмехнулся. Главное, что Ганкань перестал быть настороженным и отчуждённым. Хэ Бэйшань помог ему избавиться от чувства неполноценности, оставшегося после рабства, став для него своего рода примером.

Время за хлопотами пролетело незаметно. Когда лагерь был готов, солнце уже перевалило за полдень. Вскоре Нью Куй с братьями привели трёх лошадей, сильно израненных в бою. Чу Фэй распорядился заколоть их на мясо, и к вечеру, когда с ужином было покончено, небо окрасилось в закатные тона.

— Ещё раз спасибо тебе. Мы провели здесь много дней, но только сегодня я заметила, как красив здесь закат, — Цинь Лин, закутанная в отцовский плащ, бесшумно подошла к Чу Фэю, который сидел на холмике, выкуривая послеобеденную сигарету.

— Не стоит благодарности. Всё это лишь стечение обстоятельств, — Чу Фэй понимал, какое облегчение испытывает девушка, обретшая свободу, но не считал, что заслуживает такой признательности.

— Хорошо, больше не буду благодарить. Отец сказал, что отныне его жизнь принадлежит тебе. Теперь я хочу сказать, что и моя жизнь отныне тоже твоя.

На прекрасном лице девушки заиграла лёгкая улыбка, а глаза, полные обожания, были устремлены на закат.

— Постой! Ну к чему это? Я просто дал обещание храброму воину, да и посочувствовал вам. Я лишь посчитал, что твой отец не заслуживает такой участи, а вы, члены семьи, тем более не должны были в это втягиваться. Вот и всё. Прошу, не надо мне этих драм! — Чу Фэй от неожиданности выронил сигарету и вскинул руки.

— Это твои мысли. А я знаю лишь то, что ты спас меня, когда я была в самом отчаянном положении, на краю бездны. Причины и обстоятельства не имеют значения.

Девушка повернула голову и посмотрела прямо в глаза Чу Фэю. Она всё ещё улыбалась, и багрянец заката, словно свет искусного осветителя, делал её лицо невероятно притягательным. В её глазах, переживших столько потрясений, светилась чистота и упорство.

— Знаешь, почему я была жива до сих пор? Я ждала, что отец спасёт меня. Если бы он не пришёл, я бы пошла на всё, чтобы отомстить. Я знала, что такая девушка, как я — бывшая аристократка, к тому же невинная и красивая — станет желанной добычей. Они были бы моим инструментом мести. Но теперь, благодаря тебе, мне не придётся этого делать.

Она снова отвернулась к закату, словно пытаясь навеки удержать эту красоту. Её слова заставили Чу Фэя притихнуть. Он не мог до конца прочувствовать то, что пережила дочь человека, обладавшего когда-то безграничной славой.

— Это лишь мои мысли. Я пойду. Твои люди вернулись.

Девушка легко поднялась и ушла, заметив в лучах заходящего солнца братьев Хэ, возвращавшихся с водополя. Но было ясно, что своего решения она не изменила.

— Вот же чёрт, стоило женщине вмешаться, как сразу начались проблемы, — проворчал он. В прошлой жизни его немногочисленные романы всегда заканчивались головной болью, а эта прекрасная и упрямая девушка добавила новой. Он никак не мог взять в толк: он ведь не нанимался в герои-спасители! Зачем эти клятвы жизнью? Девочка, да зачем мне твоя жизнь?!